

JAMES STEINFELD/SHOOTING STAR/IFPG

Бьорк и отец ее ребенка (1986 г.)

Людовика IX в готической церкви Сен-Шапель середины XIII века. Сводчатый зал, красно-сине-желтые витражи, избранная публика: члены французского правительства, в том числе премьер-министр Лионель Жоспен, министры образования и культуры, дизайнер Джереми Скотт, в общем — все сливки парижского общества. Бьорк — снова босиком, но теперь без гренландок, без оркестра и вообще без микрофона.

— Почему я выбрала Сен-Шапель? Во время тура, посвященного выходу моего предыдущего альбома «Номогенис», который длился несколько лет, мы выступали на стадионах, куда приходили сотни тысяч людей. «Номогенис» был очень открытым, в духе: «Эй, вы меня слышите?!» «Vespertine» — полная противоположность. Это альбом о том, что, может быть, идеальное место — это не музыкальный фестиваль, куда за несколько дней придут 500 тысяч человек, а ваш дом. Я хочу отдать дань дому, прославить его, это вовсе не скучное место. Он может быть очень волнующим! «Vespertine» — скорее акустический альбом. Поется как бы шепотом. С той же громкостью, с которой вы привыкли говорить с друзьями по телефону. Когда мы начали планировать турне год назад, мы знали, что эту музыку нельзя исполнять в рок-клубах, где пьют пиво. Ведь у нас на сцене стеклянная музыкальная шкатулка, в которой царит внутренний мир человека. И звуки должны легко, как бабочка, влетать в уши. Это не для рок-клуба. Мы искали места по всему миру, где можно шептать — и шепот звучит, как... шоколад.

В одном городе это церковь, в другом оперный театр. Для меня важно, что бы вы поняли: я не стала внезапно религиозной. И не решила вдруг воспринимать себя как классическую или оперную певицу. Я горжусь тем, что делаю поп-музыку для обычных людей. Кстати, и «Гран-Рекс» был великоват для того, чтобы оркестр мог играть без микрофонов, а в Сен-Шапель я могу ходить между рядами и петь без микрофона, как я это делаю дома.

Кстати, о доме. Уехавшая когда-то в Лондон, Бьорк оставила этот город и поселилась в Нью-Йорке. Там у нее новый бойфренд, бородач по имени Мэттью

Барни, известный американский скульптор и видеохудожник. Он считает себя абстракционистом. Пару лет назад газета «New York Times» назвала его «самым значительным художником поколения». Лондон — в прошлом, поскольку Бьорк устала от жизни в свете вспышек фотокамер. Она верит, что в Нью-Йорке нет папарацци.

— Когда после многих месяцев отсутствия я возвращалась в свой лондонский дом, то уже через полчаса меня преследовали лондонские папарацци. Они вставали лагерем прямо перед входом в дом! Это чисто английская особенность. Невоз-

можно написать песню, если все знают, какого цвета у вас носки! Когда я была подростком, моим любимым занятием было — уйти с палаткой подальше от города, побыть в одиночестве недели две, гулять и петь. Так громко, как я только могу! Нет ничего лучше в мире! В Нью-Йорке я очень люблю мосты. Обожаю гулять по мостам. Тогда можно петь. Как в детстве, на пределе возможностей. И никто тебя не слышит. Я предпочитаю петь в час пик. Слово ты на берегу океана.

— Ваш сын был на концерте в «Гран-Рексе». Он по-прежнему сопровождает вас на всех гастролях?

NEBINGER/SIPA/ФОТОБАНК

Париж 2001 г., «Гран-Рекс», первое отделение шоу. Платье от Марьяна Пижоски...

UNIVERSAL MUSIC

...и второе отделение, платье от Александра Маккуина